

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

В. М. КИРИЛЛИН

ТАИНСТВЕННАЯ ПОЭТИКА
«СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ
ПОБОИЩЕ»

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2007

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
К 43

Рецензенты:

проф. каф. русской литературы МПГУ, д. филол. н. *Н. В. Трофимова*;
проф. каф. истории русской литературы МГУ им. М. В. Ломоносова,
д. филол. н. *А. А. Пауткин*

Кириллин В. М.

К 43 Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 104 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 5-9551-0195-0

Данная работа посвящена семантике текста Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» по варианту У в сравнении с другими версиями памятника, созданными в XVI в. Исследователь, в частности, выявляет системность использования составителем означенной версии «Сказания» чисел 8 и 4 не только в качестве повествовательных деталей, но и в качестве модуля повествовательной архитектоники. Комментируя данную особенность, он определяет круг возможных библейских, литургических, богословско-философских, историко-литературных и в конечном счете идейно-эстетических представлений, которыми мог руководствоваться составитель рассмотренного текста.

ББК 83.3

*В оформлении обложки использована
миниатюра из Летописного лицевого свода*

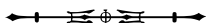
ISBN 5-9551-0195-0

© В. М. Кириллин, 2007
© Языки славянской культуры, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Куликовская битва: самообман или правда? (вместо предисловия)	7
Общая филологическая характеристика памятника и вопрос о тексте как объекте исследования.....	17
Система повествовательных деталей, образная и сюжетно-композиционная структура памятника	23
Прототипы и семантика повествовательной специфики памятника	70
Молчал ли русский интеллект? (вместо заключения)	88
Список использованных источников и научных трудов	92
Список условных сокращений	99

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА:
САМООБМАН ИЛИ ПРАВДА?
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В начале XIII в. в Монголии произошли события, очень скоро сокрушительно повлиявшие на судьбы народов Азии и Европы. В 1206 г. на берегу степной реки Ононе монголы после длительных междоусобиц провозгласили своим верховным правителем нойона (то есть князя) Темучина, принявшего титул и имя Чингисхана (ок. 1155—1227). Так появилось новое объединенное государство [Основательный обзор этого государства см.: Насонов 1940; Вернадский 1997; Сафаргалиев 1960]. Создав превосходно организованное, спаянное железной дисциплиной и жестоко контролируемое личной гвардией войско, Чингисхан начал свои беспрецедентные завоевания. За два десятка лет правления он подчинил себе огромную территорию от Северного Китая и Манчжурии до Туркестана и Казахстана. Один из его авангардных отрядов прошел через Кавказ и в начале 20-х гг. XIII в. проник в южнорусские степи и Крым. После смерти Чингисхана расширение Великой Монгольской империи столь же успешно продолжили его сыновья и дети последних. В частности, его внук хан Бату (по-русски Батый, 1208—1255), сын хана Джучи, организовал поход в Восточную и Центральную Европу, в ходе которого в 1237—1240 гг.

была завоевана и безжалостно разорена Русь. О том, какие несчастья в результате этого внезапного покорения постигли русичей, с трогательно скорбной выразительностью говорил некогда в одной из своих проповедей святитель Серапион, епископ Владимирский († 1275): «Тогда наведе на ны (Бог. — В. К.) язык немилостив, язык лют, язык, не щадящ красы ұны, немощи старецъ, младости детей. Двигнухом бо на ся ярость Бога нашего. По Давиду: “Въскоре възгорися ярость Его на ны!”. Разрушены божественныя церкви; осквернены быша суди священни, и честныя кресты, и святыя книги; потоптана быша святая места. Святители мечю во ядь быша; плоти преподавных мних птицам на снѣдь повержени быша; кровь и отец и братья наша, аки вода многа, землю напои. Князий наших и воевод крепость ищезе; храбрии наша, страха наполнишесе, бежаша; множайша же братья и чада наша в плен ведени быша. Гради мнози опустели сѣтъ; села наша лядиною поростоша; и величество наше смерися; красота наша погыбе; богатство наше онемь в користь бысть; труд наш погани наследоваша; земля наша иноплемеником в достояние бысть; в поношение выхом живущим вскрай земля наша; в посмех выхом врагом нашим, ибо сведохом собе, акы дождь с невели, гнев Господень...» [Серапион: 446, 448]*.

Под властью Батия оказалась огромная территория — от западной Сибири и восточного Казахстана до Карпат, от северной Руси до Крыма и Кавказа, которая в русских летописях обозначена как «Большая Орда», а у немецкого путешественника начала XV века Шильтбергера — «Большие татары» (термин «Золотая орда» становится известен только с XVI века). Здесь, в низовье Волги

* Здесь и далее древнерусский текст воспроизводится по правилам современной орфографии и пунктуации и согласно семантико-синтаксической логике членения речи.

(недалеко от современной Астрахани), Батый основал столицу своего улуса, назвав ее Сараем. Народонаселение Батыева ханства было многообразным в этническом, культурном и религиозном отношениях: его составили восточные славяне, мордва, черемисы, волжские булгары, башкиры, огузы, половцы-кипчаки, остатки печенегов и хазар, аланы, черкесы, готы, греки, итальянцы; соответственно, это были язычники всяких мастей, мусульмане, христиане разных традиций. Однако властные функции в нем принадлежали исключительно представителям монгольского, включая и татар, этноса, которые, будучи в меньшинстве, постепенно смешивались с тюрками, усваивая и тюркскую речь. В сущности, с точки зрения ханов это было единое государство. Однако применительно к Руси вряд ли правомерно говорить о монгольской оккупации. Сараю главным образом и прежде всего был интерес политический контроль над относительно самостоятельной деятельностью разрозненных русских князей, сбор налогов в виде регулярной или же незапланированной дани, обычно весьма тяжелой, и пополнение войск свежими силами. Князьям как ханским вассалам собственно и вменялось в обязанность выполнение этих задач под наблюдением присланных из Орды баскаков. Когда же возникало сопротивление, то на Русь направлялись суровые карательные экспедиции.

Тяжким бременем легла на плечи русичей экономическая зависимость от монголо-татарского ханства, неизмеримое число людей погибло, уведено было в рабство, сгинуло в смерчах многочисленных набегов и политических интриг из Сарая. Но в реальной внешней межгосударственной обстановке XIII—XIV столетий русским князьям, как хозяевам в подчиненной им земле, куда выгоднее было поддерживать со своими юго-восточными сюзере-

нами мир, нежели воевать с ними. Все-таки Орда была сравнительно веротерпима (что, правда, не исключало бесчеловечной жестокости ордынцев по отношению к побежденным во время набегов) и не стремилась к полному захвату территорий, тогда как столь же постоянная экспансия со стороны ближайших западных соседей Руси — Великого княжества Литовского и католических рыцарских орденов — неумолимо нацелена была именно на территориальное, политическое и церковно-религиозное завоевание. Это понял еще святой благоверный князь Александр Невский († 1263). Благодаря гибкости и расчетливости его потомков Северо-Восточная Русь сохранила свою государственность, свою культурную самобытность и к XIV столетию постепенно, подавив в себе тяжкое чувство угнетенности от ордынского ига, воспрянув духовно, накопила внутренние силы для успешного его преодоления. Данный процесс, между прочим, удачно совмещался с неуклонным укреплением Москвы как центра Русской земли и с последовательной концентрацией в руках московских князей политических, финансовых и военных сил.

Вот что стало исходным основанием победы на поле Куликовом!

Разумеется, имела место и совокупность иных обстоятельств. Так, ко второй половине XIV в. Орда заметно ослабла, умалившись в своих внешних границах и, главное, распавшись на несколько ханств. Кроме того, с конца 50-х гг. правление монгольской элиты в Сарае пережило череду кровавых династических распрей между потомками хана Джучи, что способствовало выдвижению на вершину ордынской власти более талантливых в военно-политическом плане представителей других родов, в частности Мамаея — «темника», то есть правителя и военачальника крымского хана Абдуллы. От имени последнего

Мамай и начал свое правление в западной части Орды — на пространстве между Волгой и Днепром, в Крыму и Предкавказье. Начиная с 1361 г., он несколько раз достигает главенства в самом Сарая, всякий раз пользуясь прикрытием законных, но номинальных, марионеточных ханов, с калейдоскопической скоростью сменявших друг друга. При этом его интерес к Северо-Восточной Руси неизменен. Он последовательно играет на противоречиях между русскими князьями, особенно между Московским Дмитрием Ивановичем (1350—1389) и Тверским Михаилом Александровичем (1333—1396), спекулируя великокняжеским ярлыком. Но и собственное положение Мамаю неустойчиво. С одной стороны, несмотря ни на что, усиливается Дмитрий Иванович. Ему удалось, во-первых, подчинить себе многих русских князей, то есть стать на Руси признанным политическим лидером; во-вторых, достичь соглашения с Мамаем об уменьшении дани и даже не платить ему последней, то есть добиться экономической независимости; в-третьих, проявить вместе с тем свою военную мощь: в 1376 г. он осадил волжский город Булгар и вынудил у мамаева наместника Махмата Солтана признание в покорности, а в 1378 г. он вообще наголову разбил у впадающей в Оку реки Вожи посланные Мамаем на Русь войска. С другой стороны, из восточной половины Орды явился очень сильный правитель и кровный потомок Джучи хан Тохтамыш: к 1380 г. он захватил Сарай, угрожая дальнейшим своим продвижением в западную половину улуса. В такой ситуации самовластному Мамаю оставалось либо немедленно оказать Тохтамышу сопротивление, либо сначала захватить Москву, укрепиться за счет русских ресурсов и уж потом выступить против династически законного хана. Так что для Мамаю поход на Москву был, в сущности, частью плана его борьбы за власть в Орде. Но вместе с тем, вольно или невольно, Мамай оказался проводником ши-

рокомасштабных конфессионально-политических планов Ватикана по отношению к Руси, проводимых, в частности, римскими папами Климентом VI (1342—1352) и Урбаном VI (1378—1389) через посредство Литовского княжества и, вполне возможно, генуэзских колоний в Крыму, на что указывают и сговор ордынского темника с литовским князем Ягайлом Ольгердовичем (ум. в 1434 г.), и наличие в его войске итальянских отрядов [Кожин 2001: 363—421].

О состоявшейся на поле Куликовом битве между войсками Дмитрия Ивановича и Мамаю свидетельствует немало источников. Так, в русских рукописных книгах 40-х гг. XV в. — «Рогожском летописце», «Симеоновской летописи», «Новгородской первой летописи младшего извода» — содержится краткий рассказ «о великом побойще, иже на Дону» [Повесть Р-С.; Повесть Новг-1], созданный, вероятно, еще в конце предшествующего столетия. Несколько летописных сводов последней трети XV — первой половины XVI в. — «Софийская первая летопись старшего извода», «Новгородская четвертая летопись» и др. — сохранили пространную летописную «Повесть» о Куликовском сражении [Повесть Соф.; Повесть Новг-IV], текст которой, возможно, восходит к несохранившемуся сочинению, созданному почти сразу после описанного в нем события. Видимо, к рубежу XIV—XV вв. относится знаменитая поэтическая песнь «Задонщина» [Задонщина К; Задонщина П-Син; Задонщина П-Унд.; Задонщина П-Гим], самые ранние списки которой датированы концом XV столетия. Упоминание о битве имеется в литературно замечательном «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» [НВЛ: 351—366; Соф. I: 104—111], а также в «Житии преподобного Сергия Радонежского» [Житие Сергия], составленных, по мнению ученых, блестящим русским писателем конца XIV — начала XV в. Епифанием Премуд-

рым. Наконец, позднее, как полагают, на рубеже XV—XVI столетий, было создано самое подробное и самое популярное среди древнерусских книжников описание Куликовского сражения — «Сказание о Мамаевом побоище». Конечно, все указанные источники нельзя считать сугубо документальными историографическими свидетельствами; это, прежде всего, литературные формы духовно-художественного осмысления происшедшего. Но все же их определенная фактографичность несомненна. Поэтическими по типу свидетельствами являются и устные народные исторические песни — «Новгородцы идут против Мамаю», «На поле Куликовом» [Исторические песни: 65, 66] и другие, сохранившиеся в записях начиная с XVII в. Кроме того, упоминания о битве обнаружены в некоторых княжеских грамотах XV в., она подтверждается данными древних разрядных книг и родословий, свидетельствами многих других памятников древнерусской письменности [Горский 1983: 15—19].

В связи с этим нельзя оставить без внимания традицию Православной Церкви поименно помянуть за богослужением умерших христиан. Известно, в частности, что воинов, «от татар... избивенных», поминали, по крайней мере, с конца XIV в. в родительскую — «Димитриевскую» — субботу недели перед 26 октября по старому стилю. Этот передаваемый из поколения в поколение святой обычай частично отображен специальными древнерусскими книгами — «Синодиками», в которых среди присно поминаемых обнаруживаются и имена некоторых участников Куликовской битвы¹, известных, например, по

¹ См., например, рукописи конца XV в.: РГАДА. Ф. 196, оп. 1. № 289. Л. 155 [ГИМ. Синодальное собр. № 667. Л. 68—68 об.]. Последний «Синодик» опубликован: [Вивлиофика: 450—451]. Об этом издании см.: [Моисеева 1971: 100—108].

«Сказанию о Мамаевом побоище». Наконец, действительность этого события подтверждается краткими сообщениями немецких хронистов конца XIV—XV вв. — неизвестным автором «Торуньских анналов», затем Детмаром Любекским, Иоанном Поссильге [Пашуто 1982: 45], Альбертом Кранцем [Бегунов 1966: 508], о победе также сообщали их современники персидский и арабский историки — Назим-ад-дин Шами [Тизенгаузен 1941, I: 109] и Ибн Халдун [Тизенгаузен 1884, II: 389]. Таким образом, сам факт столкновения в 1380 г. московского и великого владимирского князя Дмитрия Ивановича с полчищами Мамаю, конечно же, никак нельзя опровергнуть. Да и вообще невозможно представить себе, как это народ в собственной своей памяти сам себя обманывал все прошедшее с тех пор время!

Может показаться странным, что собственно в Орде поход Мамаю на Русь не вызвал совершенно никакого отклика, и в анналах ордынской истории он никак не отразился. Конечно, какие-то документы об этом могли просто не сохраниться. Но скорее всего, в Орде антирусская авантюра Мамаю воспринималась как мало значимое событие. Во-первых, против Руси выступил самозванец и узурпатор власти, главенство которого в сознании монгольской элиты было и сомнительным, и призрачным; во-вторых, он опирался на войска разноплеменных наемников, единственным объединяющим интересом которых были грабеж и личное обогащение, и уж конечно не созидание или какая-либо иная высокая мотивация. В-третьих, для Орды в целом поход Мамаю действительно не был делом государственной важности и не потребовал от нее предельного напряжения; более того, поражение Мамаю даже облегчило укрепление в Сарае законной власти в лице хана Тохтамыша (верховенствовал в Орде с 1380 по 1395 г.). Напротив, для Руси означенное событие имело чрезвычайную важность. Действиями русских руководил непреложный мотив освобождения от унижительного

непреложный мотив освобождения от унижительного ига, то есть они были едины в своих национальных, государственно-религиозных интересах. Но от них потребовалась максимальная концентрация сил, так что в результате в этой битве Русь от предельного напряжения выдохлась, и уже два года спустя, когда Тохтамыш осадил Москву, она не смогла оказать никакого сопротивления. Однако Куликовская победа все же дала свои благие результаты: так уж случилось, что она произошла именно в день Рождества Пресвятой Богородицы, и в этом народное сознание увидело ее высокий духовный смысл, ведь таким совпадением подтверждалась правота искони существовавшей в сердцах христиан веры в особое заступничество Преподобной Матери Божией за род человеческий, в частности за Русскую землю; победа возвысила авторитет московского князя, практически доказала действенность проповедуемой Церковью идеи государственного единения; она навсегда изменила характер отношения русских к Орде, пробудила новое самоощущение нации и тем самым ознаменовала будущий конец хозяйничанью ордынцев на Руси. Иными словами, это событие, в сущности, имело созидательное значение для будущей России. Больше того. Ко времени Куликовского сражения земли бывшей Киевской Руси частью принадлежали Орде, частью — Литовскому княжеству, непосредственным и враждебным соседям Северо-Восточной Руси, стремившимся к той или иной форме ее подчинения. Но для последней это была проблема не только политическая, это была также и проблема веры. В самом деле, например, в 1385 г. выше упомянутый пособник Мамай Ягайло Ольгердович возглавил Польско-Литовский союз, но, будучи католиком, провозгласил при этом идею создания великой славянской империи, которая объединила бы все славянские народы, и именно в лоне Католической Церкви. Вместе с тем великая некогда Византийская империя под натиском турок